

Глава 1

МНЕ НРАВИТСЯ СМОТРЕТЬ НА ПИТЕРА, когда он не видит. Я люблюсь четкой линией челюсти, изгибом скулы. В его лице есть что-то открытое, невинное, милое... И оно сильно цепляет меня за душу.

Сегодня вечер пятницы, у нас посиделки в доме Гейба Ривьеры после матча по лакроссу¹. Наша школа выиграла, так что настроение у всех приподнятое, особенно у Питера: он забил победный гол. Теперь он в другом конце комнаты играет в покер. Откинулся на стуле, балансируя на задних ножках. Волосы у него все еще мокрые после душа. Рядом со мной на диване мои друзья — Лукас Крапф и Пэмми Сабкофф — листают последний выпуск журнала «Тин Вог» и обсуждают, стоит ли Пэмми обрезать челку.

— Ты что думаешь, Лара Джин? — спрашивает Пэмми, перебирая морковно-рыжие волосы. Мы подружились недавно. Познакомились, потому что Пэмми встречается с близким другом Питера, Дэррилом. У нее круглое кукольное личико, а щеки и плечи усыпаны мелкими веснушками.

— Э-э-э... я думаю, что челка — это серьезное решение, и сгоряча его принимать нельзя. В зависимости от того, как быстро у тебя растут волосы, от-

¹Контактная спортивная игра между двумя командами с использованием небольшого резинового мяча и клюшки с длинной рукояткой.

растать она может целый год, а то и дольше. Но если ты настроена серьезно, лучше подождать до осени, потому что лето уже на носу, а в жару челка липнет к потной коже и мешает...

Я снова смотрю на Питера, он замечает это и вопросительно приподнимает брови. Я только с улыбкой качаю головой.

— Значит, не обрезать?

У меня в сумочке жужжит телефон. Это Питер.

Хочешь уйти?

Нет.

Тогда почему на меня смотришь?

Просто захотелось.

Лукас читает сообщения через мое плечо. Я его отталкиваю, и он качает головой:

— Серьезно? Вы пишете эсэмэски, хотя сидите в одной комнате?

Пэмми делает гримаску:

— Это так мило.

Я не успеваю ответить, потому что Питер пересекает комнату и подходит к нам:

— Пора отвезти мою девушку домой, — сообщает он.

— Который час? — спрашиваю я. — Уже так поздно?

Питер помогает мне подняться с дивана, подает куртку и ведет меня за руку на улицу. Я оглядываюсь через плечо, чтобы помахать остальным:

— Пока, Лукас! Пока, Пэмми! Кстати, челка тебе пойдет!

— Куда ты так несешься? — спрашиваю я у Питера, который быстро тащит меня через двор к припаркованной у тротуара машине. Он останавливается рядом с ней, одним движением притягивает меня к себе и целует.

— Не могу сосредоточиться на картах, когда ты на меня так смотришь, Кави.

— Извини... — начинаю я, но он снова целует, крепко обнимая меня.

Сев в машину, я смотрю на часы на приборной доске: еще только полночь.

— Мне еще час можно гулять. Чем займемся?

Из всех моих знакомых мне одной нельзя гулять сколько хочется. В час ночи я превращаюсь в тыкву. Все уже привыкли, что девушка Питера Кавински — хорошая девочка и в час должна быть дома. Меня это не беспокоит. Я ничего особенного не теряю. Как там говорят? Ничего хорошего не происходит после двух часов ночи. Разве что можно смотреть, как кто-нибудь часами жонглирует бумажными стаканчиками. Но я предпочитаю переодеться в пижаму, выпить чашку «засыпай-чая» и устроиться с книжкой в постели.

— Поехали к тебе домой. Я зайду, поздороваюсь с твоим папой, посижу с тобой еще немного. Досмотрим «Чужих».

Мы с Питером смотрим кино по списку, в который входят мои любимые фильмы, которые он не видел, его любимые фильмы, которые не видела я, и фильмы, которые ни один из нас не смотрел. «Чужих» предложил Питер, и мне понравилось. И хотя когда-то Питер утверждал, что не любит романтические комедии, «Неспящие в Сиэтле» при-

шлись ему по душе — к моему огромному облегчению, потому что я не знаю, как встречаться с человеком, которому не нравятся «Неспящие в Сиэтле».

— Не хочу пока домой, — отвечаю я. — Поехали куда-нибудь еще.

Питер минуту размышляет, постукивая пальцами по рулю, а потом говорит:

— Я знаю, куда.

— Куда?

— Сюрприз, — говорит он и опускает окна: свежий ночной воздух наполняет машину.

Я откидываюсь на сиденье. Улицы пусты, в большинстве домов темно.

— Дай угадаю. Мы едем в закусочную, потому что ты хочешь оладьи с голубикой.

— Нет.

— Хм. Для «Старбакса» поздно, «Бисквит Соул Фуд» уже закрыт...

— Эй, я думаю не только о еде! — возмущается он и сразу добавляет: — У тебя еще осталось печенье?

— С собой нет, но дома должно быть, если Китти не доела.

Я высовываю руку в окно. Скоро закончатся прохладные ночи, когда еще нужно надевать куртку.

Краем глаза я рассматриваю профиль Питера. Иногда мне не верится, что он мой. Самый красивый парень на свете — мой, весь мой.

— Что такое? — спрашивает он.

— Ничего.

Десять минут спустя мы въезжаем в кампус университета штата Вирджиния. Кампусом его никто не называет, а называют территорией. Для вечера пят-

ницы в студенческом городке тут необычно тихо, но сейчас в университете каникулы, и многие разъехались.

Мы гуляем по газону, взявшись за руки. Внезапно меня охватывает волна паники. Я останавливаюсь на месте и спрашиваю:

— Это же не плохая примета? Приезжать в университет до того, как я поступила?

Питер смеется.

— Это же не свадьба. Университет тебе не жених.

— Тебе легко говорить, ты уже поступил.

В прошлом году Питер согласился присоединиться к университетской команде по лакроссу и осенью подал документы. Как это обычно бывает у спортсменов, его принимали автоматически, главное — чтобы оценки оставались приличными. В январе он получил официальное подтверждение. Его мама устроила вечеринку, и я испекла пирог с надписью из желтой глазури «Мои таланты — университету Вирджинии».

Питер тянет меня за руку:

— Пойдем, Кави. Мы сами определяем свою удачу. К тому же мы сюда уже приезжали два месяца назад, на концерт в центре Миллера.

— Ах да. — Я расслабляюсь.

Мы идем по лужайке, и теперь я знаю, куда. К Ротунде, посидеть на ступенях. Ротунду построил Томас Джефферсон¹, основатель университета, по образу и подобию Пантеона — с белыми колоннами и большим куполом. Питер взбегает по ступеням,

¹Томас Джефферсон (1743–1826) — политик и философ, третий президент США.

как Рокки¹, и плюхается на самую верхнюю. Я сажусь перед ним, откидываюсь ему на грудь.

— Ты знаешь, — начинаю я, — что одна из уникальных характеристик кампуса университета Вирджинии — то, что в самой его середине, прямо здесь, в Ротунде, находится не церковь, а библиотека? Потому что Джефферсон считал, что религия не должна вмешиваться в образование.

— Ты это прочитала в брошюре? — поддразнивает меня Питер, целуя в шею. Я сладко вздыхаю и отвечаю:

— Нет, это рассказывали на экскурсии по кампусу в прошлом году.

— Ты не рассказывала, что ходила на экскурсию. Зачем? Ты же тут живешь! Ты миллион раз здесь была!

Так и есть. Все мое детство прошло здесь. Пока мама была жива, мы ходили на выступления «Хуллабау»², потому что ей нравилось пение а капелла. Наш семейный портрет сделан на фоне кампуса. Если выходные выдавались солнечными, после посещения церкви мы устраивали здесь пикник.

Я разворачиваюсь, чтобы посмотреть на Питера.

— Я пошла на экскурсию, потому что хотела узнать об университете все! Все, что нельзя узнать, просто живя рядом. Например... знаешь, в каком году они начали принимать женщин?

Питер чешет затылок.

¹Рокки — персонаж одноименного фильма 1976 года.

²Студенческий мужской ансамбль а капелла в университете штата Вирджиния.

— Э-э-э... не знаю. Когда университет основан? В начале XIX века? Тогда женщин стали принимать... в начале двадцатого?

— Нет. В 1970-м. — Я снова отворачиваюсь и смотрю на раскинувшийся перед нами кампус. — Через сто пятьдесят лет после основания.

— Ух ты, — заинтригованно говорит Питер, — с ума сойти. Расскажи еще что-нибудь.

— Университет штата Вирджиния — единственное образовательное учреждение в США, которое включено в список Всемирного наследия ЮНЕСКО... — начинаю я.

— Стой, стой, я имел в виду не про университет, — перебивает Питер. Я шлепаю его по колену. — Расскажи лучше, чего больше всего ждешь от учебы здесь.

— Ты первый. Чего ты ждешь?

Питер отвечает не задумываясь:

— Как буду бегать с тобой по газонам нагишом.

— Серьезно? Предвкушаешь пробежки нагишом? Имей в виду, я этого делать не буду, — то-ропливо добавляю я.

Он смеется.

— Это традиция университета Вирджинии. Я думал, что ты ценишь традиции.

— Питер!

— Я шучу. — Он наклоняется вперед, обнимает меня за плечи и трется носом о шею, как любит делать. — Твоя очередь.

На минуту я погрузилась в фантазии. Если меня примут, чего я жду больше всего? Так много идей... Как буду каждое утро есть вафли вместе с Питером в столовой. Как зимой мы будем кататься на санках

с Обзорного холма. Устраивать пикники в теплые дни. Разговаривать ночи напролет, а потом просыпаться вместе. Затевать стирку посреди ночи и срываться в поездки в последний момент... В конце концов я говорю:

— Не хочу сглазить.

— Ну же!

— Ладно, ладно. Больше всего я жду того, что... смогу ходить в Зал Макгрегора, когда захочу.

Многие называют этот зал «комнатой Гарри Поттера», потому что там ковры, канделябры, кожаные кресла и портреты на стенах. На полках от пола до потолка за металлическими решетками стоят книги, словно бесценные артефакты. Эта комната из другой эпохи. В ней тихо разговаривают, даже с благоговением. Одним летом — мне тогда было лет пять-шесть, а Китти еще не родилась, — мама проходила курс обучения в университете и часто занималась в Зале Макгрегора. Мы с Марго сидели с ней, рисовали или читали. Мама называла зал «волшебной библиотекой», потому что мы с Марго там никогда не ссорились. Мы вели себя тихо, как мышки. Серьезные взрослые, сидевшие вокруг, вызывали у нас священный восторг.

Питер выглядит разочарованным. Он наверняка рассчитывал, что я представляю что-то связанное с ним. Но мне почему-то хотелось оставить эти надежды при себе.

— Ты тоже можешь туда приходить, — говорю я. — Но ты должен пообещать вести себя тихо.

Он тепло говорит:

— Лара Джин, только ты можешь мечтать о библиотеке.

Если судить, например, по Pinterest¹, очень многие хотели бы проводить время в такой красивой библиотеке. Но среди знакомых Питера таких нет. Он считает меня необычной. Я не собираюсь его разочаровывать и открывать глаза на то, как много людей хочет сидеть дома, делать печенье, заниматься скрапбукингом и ходить в библиотеку. Конечно, большинству из них за пятьдесят... но все равно. Мне нравится, как он на меня смотрит: словно я лесная нимфа, которую он однажды встретил и не мог не забрать к себе домой.

Питер вынимает телефон из кармана толстовки.

— Половина первого. Скоро нужно будет ехать.

— Уже? — вздыхаю я.

Мне нравится приезжать в университет ночью. Как будто весь кампус принадлежит нам двоим.

Университет Вирджинии всегда был в моем сердце. Я не планировала ехать учиться куда-нибудь еще. Я собиралась подавать документы заранее, осенью, одновременно с Питером, но школьный психолог миссис Дюваль посоветовала этого не делать, потому что лучше показать комиссии оценки за полугодие. По ее словам, всегда лучше отразить в документах свои самые высокие достижения.

В результате я подала документы в пять университетов: Вирджинии, Уильяма и Мэри, Ричмондский и имени Джеймса Мэдисона. Все в моем штате. В университет Вирджинии сложно поступить, но зато он в пятнадцати минутах от дома. В университет

¹Pinterest — социальный интернет-сервис, позволяющий пользователям добавлять в режиме онлайн изображения, помещать их в тематические коллекции и делиться ими с другими пользователями.

Уильяма и Мэри тоже поступить непросто и ехать до него два часа. Ричмондский и университет имени Джеймса Мэдисона попроще и оба в часе езды. Миссис Дюваль уговорила подать документы хотя бы в один университет за пределами штата, просто на всякий случай. И я отправила их в университет Северной Каролины в Чапел-Хилл. У них сильная программа общеобразовательных наук, и от дома он недалеко.

Но я бы все равно выбрала университет Вирджинии. Я хочу остаться дома, для меня университет Вирджинии и есть дом. В этом я не похожа на старшую сестру: это она мечтала уехать подальше. Она всегда хотела повидать мир. И, конечно, есть еще Питер...

Мы сидим еще немного: я рассказываю интересные факты об университете, а Питер подшучивает над тем, сколько я знаю. А потом отвозит меня домой. Когда мы останавливаемся перед темным крыльцом, до часа остается несколько минут. В спальне папы горит свет. Он не ложится спать, пока я не вернусь. Я собираюсь выходить, но Питер протягивает руку и останавливает меня.

— Сначала поцелуй на ночь, — заявляет он.

Я смеюсь.

— Питер, мне надо идти!

Он упрямо закрывает глаза и ждет. Я наклоняюсь и коротко целую его в губы.

— Ну вот. Доволен?

— Нет.

Он целует меня сам так, словно у нас есть все время мира, и говорит:

— Что будет, если я вернусь, когда все заснут, и останусь на ночь? И уйду рано утром? До рассвета?

Я с улыбкой отвечаю:

— Этого делать нельзя, так что мы не узнаем, что будет.

— Но что если все-таки...

— Папа меня убьет.

— Не убьет.

— Убьет тебя.

— Не убьет.

— Не убьет, — соглашаюсь я. — Но во мне он будет очень разочарован, а на тебя — сердит.

— Только если нас поймают, — говорит Питер, но без особого напора. Он тоже не хочет рисковать и старается нравиться моему отцу.

— Знаешь, чего я жду больше всего? — Он тянет меня за косичку, прежде чем продолжить. — Того дня, когда нам не придется прощаться на ночь. Ненавижу прощания.

— Я тоже, — отвечаю я.

— Жду не дождусь колледжа.

— Я тоже, — говорю я и целую его еще раз, а потом выпрыгиваю из машины и бегу домой. Я смотрю на ночное небо, луну, звезды и загадываю желание: «Господи, пожалуйста, пусть меня возьмут в университет Вирджинии».

Глава 2

— КАКИМИ БЛЕСТКАМИ МНЕ ПОСЫПАТЬ парик Марии-Антуанетты — розовыми или золотыми? — Я подношу пасхальное яйцо к камере ноутбука, чтобы Марго могла рассмотреть. Оно покрашено в бледный оттенок бирюзового, и сверху декупажом наклеен профиль Марии-Антуанетты.

— Покажи поближе, — говорит Марго, щурясь в камеру. Она в пижаме, на лице косметическая маска. Волосы отросли до плеч, а значит, скоро она их подстрижет. Мне кажется, она теперь все время носит короткие волосы. Ей очень идет.

В Шотландии ночь, а у нас еще день. Между нами пять часов времени и три тысячи пятьсот миль. Марго в своей комнате общежития, а я дома, за кухонным столом, в окружении пасхальных яиц, мисок с краской, стразов, наклеек и пушистых белых перьев, оставшихся от рождественских украшений, которые я делала несколько лет назад. Ноутбук стоит на стопке поваренных книг. Марго составляет мне компанию за украшением яиц.

— Я хочу сделать вокруг портрета рамку из жемчужин, — сообщаю я.

— Тогда лучше розовые блестки, — отвечает она, поправляя маску. — Розовый будет ярче.

— Вот и я так думаю.

Я принимаюсь наносить розовые блестки на рисунок старой кисточкой для теней. Предполагалось, что мы будем делать это вместе с Китти, как в старые

добрые времена, но ее пригласили в дом Мэйделин Клиндер. Приглашение от Мэйделин — событие редкое и торжественное, поэтому я даже не могу обидеться на сестру.

— Ты уже скоро узнаешь?

— В этом месяце.

Я принимаюсь выкладывать жемчужины. С одной стороны, я хочу уже получить ответ, а с другой — я рада, что у меня есть еще время побыть в неизвестности... время надежды.

— Тебя возьмут, — говорит Марго. Это звучит как пророчество.

Все считают, что меня примут в университет Вирджинии без проблем. Все: Питер, Китти, Марго, папа, школьный психолог. Я не решаюсь говорить это вслух, чтобы не сглазить, но... возможно, я тоже так думаю. Я все для этого сделала. Набрала двести баллов в квалификационном тесте. Оценки у меня почти такие же хорошие, как у Марго, а Марго туда приняли. Я сделала все, что нужно было, но достаточно ли этого? Теперь мне остается только ждать и надеяться.

Когда я приклеиваю белый бантик к верхушке яйца, у меня возникает подозрение, и я кошусь на сестру:

— Постой-ка. Если я поступлю в университет Вирджинии, ты не станешь уговаривать меня выбрать другой университет, чтобы я расправила крылья?

Марго смеется, и маска сваливается с ее лица. Она возвращает ее на место и говорит:

— Нет. Я верю, что ты знаешь, что делаешь.

Она говорит правду, я чувствую. Я тоже начинаю в это верить. Верю, что, когда настанет время, я выберу то, что для меня лучше всего. А это университет Вирджинии.

— Один совет, — продолжает Марго. — Найди себе друзей сама. У Питера их будет много, потому что он спортсмен; но его друзья необязательно будут такими людьми, с которыми захочешь дружить ты. Поэтому найди своих друзей, своих людей. Это большой университет.

— Хорошо, — обещаю я.

— И обязательно присоединись к союзу студентов азиатского происхождения. Ты не представляешь, как мне не хватает этого здесь. Знаешь, это ведь здорово: не только учиться, но и разбираться в своей расовой идентичности. Как Тим.

— Какой Тим?

— Тим Монахан из моего класса.

— А-а-а, Тим, — вспоминаю я. Он кореец, но усыновленный. В нашей школе не так уж много азиатских, поэтому мы все друг друга знаем, хотя бы шапочно.

— В школе он никогда не водился с другими азиатами, а потом поступил в технический университет, познакомился с кучей корейцев и теперь, я слышала, президент азиатского братства.

— Ого!

— Хорошо, что в Шотландии братства¹ не приняты. Ты же не собираешься вступать в сестричество? Если собираешься, я не буду осуждать! — топорливо добавляет она.

¹Братства и сестричества — мужские и женские студенческие объединения в колледжах и университетах США.

— Я об этом не думала.

— Питер наверняка вступит в братство.

— Он тоже об этом ничего не говорил...

Хотя я легко могу представить его в братстве.

— Я слышала, трудно встречаться с парнем из братства, если ты сама не в сестричестве. Постоянные встречи, вечеринки... Проще, если дружишь с девочками из твоего сестричества. Не знаю. Мне все это кажется глупым, но, может, оно того стоит. Говорят, там популярно рукоделие. — Она выразительно шевелит бровями, намекая на мое хобби.

— Кстати, — я поднимаю яйцо к камере, — та-да!

Марго наклоняется поближе, чтобы рассмотреть.

— Ты должна открыть свой бизнес! Покажи остальные.

Я поднимаю коробку с яйцами. В ней дюжина пустых скорлупок: бледно-розовые с неоновыми зигзагами, ярко-голубые с лимонно-желтыми, сиреневые с сушеными бутонами лаванды. Я была рада найти повод использовать лаванду. Несколько месяцев назад я купила целый пакет для лавандового крем-брюле, и с тех пор он занимал место в шкафу.

— Что ты собираешься с ними делать? — спрашивает Марго.

— Отнесу в Бельвью, пусть выставят в приемной. Там всегда мрачно, как в больнице.

Марго откидывается на подушки.

— Как дела у всех в Бельвью?

— Хорошо. Я была так занята подачей документов и учебой, что ходила туда реже, чем раньше. Теперь, когда я больше там официально не работаю, время находить труднее. — Я кручу яйцо в руках. — Это я, наверное, подарю Сторми. Очень